

АЛЕКСАНДР АДЕРИХИН

*Кисет
с землей и кровью*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
А29

Адерихин, А.

А29 Кисет с землей и кровью : [роман] / Александр Адерихин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 557 с. — (Серия «Пальмира — детектив»).

ISBN 978-5-517-12136-3

Основанный на реальных событиях роман повествует о ликвидации «Банды орденосцев», орудовавшей в послевоенном Калининграде в 1946–1947 годах, — о деле, засекреченном вплоть до наших дней, найденном и восстановленном автором по архивным источникам. Книга погружает читателя в жизнь послевоенного города, когда советские переселенцы столкнулись с необходимостью строить новую жизнь посреди руин. Главный герой, старший сержант милиции, прибывает в Калининград по служебным делам, но вскоре оказывается вовлечен в череду драматичных и опасных событий, обнажающих раны недавней войны. Интригующее расследование оживляет забытые страницы истории, раскрывая запретные тайны древнего города, а также судьбы людей, невольно втянутых в водоворот трагических потрясений.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-12136-3

© Адерихин А. А., 2025
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

Пальчу. Прости, что не успел...

Спасибо!

Юрию Владимировичу Костяшову, научные работы которого открыли мне драматизм послевоенного периода в истории моей малой Родины и фактуру, из которых я активно использовал в этом тексте.

Константину Резуеву, одному из авторов великой калининградской книги «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев».

Самому дружелюбному по отношению к исследователям коллективу Калининградского государственного архива Калининградской области и лично Варваре Ивановне Комиссаровой. Без них ничего бы не получилось.

Светлане Колбанёвой, сделавшей первую редактуру этого романа, после чего текст можно было показать личным людям.

Юрию Грозмани, подарившему мне историю итальянки «Изотты» и красивый сюжетный ход.

Олегу Черенину, исследователю истории спецслужб.

Вадиму Александрову, Виталию Лавриновичу, Александру Чалому. За критику, оценки, предложения и потраченное на чтение время.

Всем калининградским Адерихиным, в силу своего родства с автором вынужденным прочитать роман ещё в машинописи.

Софье Заостровцевой.

Дмитрию Манкевичу, историку, прекрасную фактуру из работ которого автор творчески стырил.

Илье Олеговичу Дементьеву. За «Золотую жилу» и другое.

Спартанскому царю Леониду Шаньгину за консультации.

Сергею Корнющенко за беспощадную критику. Да, он такой!

Юлии Анатольевне Радецкой, которая пинала автора, капала ему на мозги и верила в автора больше, чем сам автор в себя.

1946

Вагон поезда «Москва — Кёнигсберг» качнулся на повороте, инерция бросила Семейкина, спавшего на верхней полке, на стенку вагона. Он проснулся, лёг на живот, посмотрел в окно.

— Станция Эйдкунен, в Пруссию въезжаем, — ответил на его немой вопрос попутчик — мужчина с добрыми глазами, спрятавшимися за стёклами очков, съехавших на самый кончик носа. Из кармана его мятого парусинового пиджака торчала «Красная газета», орган наркомата тяжёлой промышленности, такая же мягкая, как и пиджак.

Вчера вечером гражданин в мятом костюме и второй попутчик, лысый мужик в сапогах и косоворотке, весело обсуждали зубодробительный фельетон «Водка в гробу» гремящего на всю страну журналиста Подпаскова. Ершисто пишущий Подпасков сатирически высмеивал нравы, царящие на Горьковском телефонном заводе. Там коммунист с прижизненного разрешения товарища, тоже коммуниста, прилюдно положил ему, умершему, в гроб бутылку водки.

— Теперь до Кёнигсберга рукой подать, — сказал мятый и громко втянул в себя чай из стакана в металлическом подстаканнике с отштампованным Кремлём.

Он работал где-то на Севере, вначале в шахте, а потом, когда получил лёгочную болезнь, счетоводом. Из-за лёгочной бо-

лезни в армию его не взяли, хотя он просился несколько раз. Второй, в косоворотке, галифе и сапогах, оказался вербовщиком с Кёнигсбергской целлюлозно-бумажной фабрики.

— Нам, товарищ, на целлюлозно-бумажной финансовые работники очень нужны, — продолжил агитировать «мятого» лысый вербовщик. — Нам все нужны. Через три месяца стране бумагу надо дать. Книжки на ней печатать, учебники... Мы вам все условия создадим. Если не семейный, место в общежитии дадим, рядом с комбинатом. На сорок койко-человек вместимостью! — «Мятый» опять втянул в себя чай, словно хотел сразу всосать и стакан, вербовщик продолжил: — А если семейный — полдома в рабочем посёлке себе забирай, с участком и мебелью! Сам выберешь. Если дом, в котором немцы живут, понравится, выселим немцев, тебя заселим... Кто их спрашивать будет... А если я тебя, дорогой товарищ, обману, то ты всегда меня на фабрике сможешь найти и спросить по-мужски за обман.

Вербовщик явно не в первый раз произносил свою речь. «Мятый» почесал лоб:

— Ох, товарищ, хорошо рассказываешь...

Семейкин спустил со своей верхней полки ноги вниз, потёр глаза, достал из-под матраса ботинки. Он спрятал их туда вечером, когда ложился спать. Он любил свои ботинки. Не так-то просто они ему достались. К тому же других у него не было.

— Хорошие ботинки, — сказал «мятый». — Фабрика имени Берии?

— Американские, ленд-лизовские, — ответил Семейкин, отодвинул дверь купе и вышел в коридор, прихватив когда-то белое вафельное полотенце с чёрным штампом Белорусской железной дороги.

В коридоре проводник поднимал шторы на окнах. Верный признак, что пассажирский состав «Москва — Кёнигсберг» проследовал Литву. Схватив полотенце, свисавшее с шеи, за края, с зажатой зубами дымящейся папиросой, Семейкин отправился в туалет.